

Было 3 часа вечера, когда Вэнь Хаовен поспешил обратно в семью Вэнь.

Нин Шуцян стоял перед полками с розами на заднем дворе. Чисто-белые лепестки роз были узорчаты кроваво-красными нитями - красивыми, элегантными, достойными и аллюргими, как у нынешнего Нин Шуцян, чье нежное, красивое лицо носило красный отпечаток ладони, похожее на цветущую розу в полном расцвете сил и красок.

Увидев его, ее глаза наполнились страданиями, ее ресницы трагически дрожали, и ее стройная талия, которую она натянула, чтобы выпрямиться, была хрупкой и слабой, как дрожащий лепесток цветка, покоящийся на ветке, которая может упасть с малейшим ветром, нуждаясь в помощи, чтобы поддержать ее. "Хао... Хаоуэн..."

Слезы упали прежде, чем она успела заговорить! Молчаливые слёзы говорили о её страданиях!

Вэнь Хаовен стоял неподвижно и безмолвно, как он смотрел на ее дразнящие глаза, как будто они могли говорить, и ее жалоба была передана в его сердце битком за битком. Чувствуя тепло в сердце, он бросился и помог ей подняться. "Что случилось - кто причинил травму вашему лицу?"

Нин Шуцян нежно прислонилась к груди, не промолвив ни слова, когда ее слезы тихо упали.

Скатывающиеся капли слез приземлились на ее красную юбку и оставили глубокие красные следы, как будто капли свежей крови распустились в чарующие цветы на юбке, и планомерно растянулись вниз, как расплющенные цветы.

Сердце Вэнь Хаовена сразу же размягчилось. "Шуцян", что случилось? Я был на встрече весь день и не мог ответить на твой звонок. Но моя ассистентка сказала, что у тебя был срочный звонок, поэтому я сразу же после собрания поспешил обратно".

Когда Нин Шуцян услышал его слова, она взбесилась и с рыданием и жалким голосом сказала: "Хаовен, старик сегодня принял Синю обратно в семью Вэнь".

Вэнь Хаовен был ошеломлен речью, Старик имел это в виду, когда сказал вчера, что он получит Вэнь Синю обратно сегодня - он фактически получил ее обратно, как будто он не мог больше ждать.

Вэнь Хаовен вспомнил свой вчерашний спор со Стариком, который закончился тем, что он получил жесткую пощечину от Старика, и чувствовал себя все более отвратительно по отношению к Вэнь Синю. Его гнев мгновенно выстрелил из сердца в горло - он держал Нин Шуцян за руку и гневно сказал: "Она что-нибудь сделала с тобой? Нанесла ли она тебе травму лица?"

Нин Шуцян жалко и грустно покачала головой. "Это была не она!"

Брови Вэнь Хаовена глубоко бороздили. Его сердце стало мягким, как грязь, с хрупкостью Нин Шуцянь, и с ней, ведущей его как такового, он чувствовал себя чрезвычайно беспокойным и тревожным, желая знать правду. "Не она, тогда кто ударил вас - вы госпожа Вэнь из семьи Вэнь, кто осмелился прикоснуться к вам пальцем?"

Словами Вэнь Хаовена снова вылились слезы из глаз Нин Шуцяня. Ее блузка и юбка были заполнены темными и светло-красными пятнами, словно упавшая свежая кровь, говорящими о ее хрупкости и страданиях. "Это был я... я ударил себя".

Вэнь Хаовен был в шоке. "Что случилось, почему ты ударила себя?"

Подозрение Вэнь Хаовена уже перешло к Вэнь Синьям - прелюдия была завершена. Нин Шуцянь всхлипнул: "Сегодня утром мы с Юйей отправились в больницу, чтобы позаботиться о некоторых травмах. Когда мы вернулись к семье Вэнь, отец и Вэнь Синья сидели и разговаривали в гостиной, и, увидев нас, отец гневно дал Юйе крепкую пощечину. Затем он поручил старику Юю пойти в местный полицейский участок, чтобы снять Юю с семейного счета. Он хочет выгнать Юю из семьи Вэнь и отправить ее за границу".

Когда она закончила пересчет, Нин Шуцянь уже задыхалась от слез.

Прошлым днем Вэнь Хаовен впервые задумался о собственном насилии по отношению к Нин Шуцянь и почувствовал себя виноватым. Затем, когда он услышал, что Старик действительно сбил Юйю, выгнал ее из семьи Вэнь и захотел отправить ее за границу, он был в ярости. "Какой отец на самом деле хочет выгнать Юю из семьи Вэнь и даже хочет отправить её за границу"?

Вэнь Хаовен смотрел в неверии, его внезапно поднятый голос поднял свою ярость до предела, почти до точки извержения!

Взгляд достижения и порочность вспыхнули мимо дразнящей Нин Шуцянь, депрессивные глаза, и ее голос стал еще более жалким. "Да, сегодня я пытался до тебя дозвониться из-за этого!"

Опухоль на лице, которую старик подарил ему накануне вечером, уже опустилась и утром почувствовала лишь слегка онемевшее и болезненное ощущение. Однако Вэнь Хаовен теперь чувствовал, как его лицо горит от боли - он принял решение усыновить Юю как приемную дочь семьи Вэнь, и именно он добавил имя Юя в рассказ семьи Вэнь. Несмотря на то, что он не относился к Юе как к своей собственной, он не мог расстаться с их пятнадцатилетними отношениями.

Услышав, что Старик на самом деле хотел изгнать Юю из семьи Вэнь, он почувствовал пламя ярости, горящее звуком "вуш-вуш-вуш". "Вэнь Синья, должно быть, сказал что-то перед Стариком, заставив отца сделать что-то подобное".

Нин Шуцянь горько плакала, ее слезы льлись непрерывно, как будто они никогда не иссякнут. "Мы с Юйей опустились на колени на полу и умоляли, - Юйя даже извинился перед Синьей с коровом и умолял её поговорить с Отцом, чтобы не изгнать её из семьи Вэнь. Чтобы получить прощение от Отца и Синьи, Юя опустилась на колени на полу и ударила себя по нежному лицу, которое было так невыносимо сильно избито и опухло, что мне было мучительно смотреть! Не смотря ни на что, я десять месяцев носил Юю в утробе и рожал ее - они просто бреют плоть с моего сердца"!

Глаза Вэнь Хаовена были охвачены бушующим пламенем, и, как он вспомнил, что отец также дал ему пощечину прошлой ночью из-за Вэнь Синья, его сердце трещало, как горящее масло. "Это злое существо, Вэнь Синья, возбуждает дела прямо по возвращении до тех пор, пока дома нет покоя".

Нин Шуцянь плакала, ее глаза были красными, как грецкий орех. "Я знаю, что я не из хорошей семьи, не дала семье Вен потомство, несмотря на пятнадцать лет брака, а вместо этого взяла с собой дочь из предыдущего брака. Но как может Отец быть таким безжалостным и бездушным, что Юя пятнадцать лет прожила в семье Вен. Но теперь он выгоняет её из-за Синьи и даже хочет отправить за границу. Юйе всего пятнадцать лет, еще не достигших совершеннолетия, и она вынуждена покинуть свой дом одна, как она может выжить!".

Вэнь Хаовен уже потерял чувство логики, управляемый своей горячей головой и яростью, и превратился в раба, служащего своему гневу. "Пойду спрошу отца, о чём всё это... Я никогда не позволю отцу изгнать Юю из семьи."

Когда он закончил, он повернулся и ворвался в гостиную, одетый в яростный огонь, как будто собирался все сжечь.

С порочным лицом Нин Шуцянь стояла у полок с розами - соблазнительная красота роз резко контрастировала с ядом на ее лице.

Старая вещь, если ты посмеешь изгнать Юю из семьи Вэнь, я настрою твоего сына против тебя и позволю тебе почувствовать вкус вражды между отцом и сыном.

Вэньсиня! Ну и что, если у тебя есть поддержка Старика, я попрошу тебя пойти с отцом навстречу, и мы увидим, сможешь ли ты, бессердечная и неблагодарная по отношению к приёмным родителям и вопреки твоему родному отцу, сохранить свой шикарный и элегантный имидж.